

Он перевернулся на другой бок, еще не успев открыть глаза, и рука привычно зашарила по сторонам подушки. Черт возьми, ведь сейчас не две тысячи двадцать четвертый год, а тысяча девятьсот пятьдесят третий! А он все еще по привычке ищет смартфон, чтобы полистать ленту в соцсетях.

Надо вставать, но почему же так холодно? В прошлой жизни он родился и вырос в Ляонине, но там, кажется, было не так зябко.

Прекрасное утро! Пора вставать! Этот симпатичный паренек снова начинает свой трудовой день.

Ван Ханьлинь уже собирался что-то сказать, как вдруг в ушах раздался едва уловимый электрический треск.

Опять этот тип с самого утра пакостит!

В его Пространстве, в обычно спокойном рыбном пруду, поднялись волны. С помощью ментальной силы он внимательно наблюдал за тем, как дядя Чжан из западного флигеля девяносто четвертого двора, забившись в межстенное пространство, возится с передатчиком. На самом деле устройство не издавало ни звука, но Ван Ханьлинь, обладатель Пространства, слышал эти странные помехи.

Неудачливый шпион даже не подозревал, что в воздухе прямо перед глазами Ван Ханьлиня из ряби Пространства сложились строчки: Девяносто четвертый двор, западный флигель, полночь, шифровка.

Остальное было непонятно.

Значит, будет встреча или назревает что-то серьезное.

Впрочем, не его это дело, он всего лишь простой обыватель. Пусть этим занимается Тянь Дань и отдел по борьбе с вражескими агентами.

Ван Ханьлинь встал, умылся, взял тяжелый эмалированный таз и отправился во двор. Там он увидел Цинь Хуайжу, которая уже всю стирала белье.

— Сестрица Цзя, какая же вы трудолюбивая! С самого утра хлопчете. Брат Дунсюй, женившись на вас, обрел счастье, на которое другим жизней не хватит, — завел свою шарманку Ван Ханьлинь, не заметив, как помрачнело лицо вдовы Цзя.

Шачжу сидел рядом, отсутствующим взглядом глядя в пустоту. Он даже забыл умыться и перестал паять на Цинь Хуайжу.

— Брат Чжу, что с тобой? Вид такой подавленный, что-то случилось?

— Линь-цзы, слушай... Зайди ко мне, есть разговор.

Они вернулись в дом Шачжу. Тот нетерпеливо ждал, пока Ван Ханьлинь закроет дверь.

— Говори, брат Чжу.

— Линь-цзы, в этом дворе я могу довериться только тебе. Отец сбежал и не оставил мне ни гроша, сказал, что уехал в Баодин.

— Брат Чжу, а кто тебе это сказал?

— Дядя И. Сказал, что Хэ Дацин сбежал и бросил нас, — Шачжу выглядел совершенно растерянным.

— Брат Чжу, ты мне веришь?

— Линь-цзы, если бы не верил, не стал бы ничего рассказывать.

— Тогда давай разберемся логически. Во-первых, зачем твоему отцу бежать? Во-вторых, что должно было произойти, чтобы он бросил тебя и Юйшуй? В-третьих, что стало с его должностью — он продал ее, или она осталась на заводе? В-четвертых, что ты собираешься делать дальше? И в-пятых, кому это выгоднее всего? Подумай сам.

— Линь-цзы, я, кажется, догадываюсь, почему он сбежал. Сейчас же везде проверяют биографии. Отец готовил еду для японцев, а потом для высокопоставленных чиновников Гоминьдана. Мы-то везде писали, что мы бедняки, но если копнуть глубже, выходит, что мой отец — предатель родины! Вот в чем дело, да?

Ван Ханьлинь, не раздумывая, ответил:

— Ты слишком много на себя берешь. Я наводил справки. Брат Чжу, ты же знаешь, что директор Ван — моя крестная. Я спрашивал ее, как оценивают такие вещи: добровольно человек это делал или по принуждению, нанес ли он ущерб стране и были ли на его счету человеческие жертвы. В Пекине полно людей в такой же ситуации, что же теперь, всех записывать в предатели? Крестная сказала: если человек сам во всем признается, проведут расследование и определят истинный статус.

— Линь-цзы, теперь я понял. Слушай... можешь одолжить мне денег? Хочу съездить в Баодин, узнать, нужны ли мы ему еще.

— Сколько тебе нужно? Сто юаней хватит?

— Линь-цзы, я... я даже не знаю, что сказать! Все в сердце. Хорошо, в путь надо собираться с запасом, возьму сто.

— Сейчас принесу. Брат Чжу, никому не говори, зачем едешь в Баодин. Кто знает, кто хочет подставить твоего отца, понимаешь?

— Понимаю, Линь-цзы. Не волнуйся! — Шачжу серьезно кивнул.

Ван Ханьлинь сходил домой за деньгами и вскоре вернулся.

— Брат Чжу, вот сто юаней, припрятать получше.

Закончив утренние дела, он переоделся и отправился на работу. День предстоял насыщенный!

Напевая песенку про свой любимый велосипед, он ехал по переулкам. Рабочие улыбались, глядя на него, и хоть ничего не говорили, по их лицам было ясно: эх, молодым быть — что ребенок.

Вскоре, нагруженный сумками, он въехал в ворота завода и направился в отдел закупок.

— Мастер Чжоу, посмотрите, что я привез, нужно взвесить для отчета.

Мастер Чжоу поспешно вышел и, увидев гору продуктов, просиял.

— Сяо Ван, ну ты даешь! Если привезешь еще три таких партии, глядишь, и в штат зачислят!

— Дай бог вашими устами, мастер Чжоу! Ха-ха-ха!

Несколько человек занялись взвешиванием и оформлением накладных. Вскоре все было готово: мясо на сто двадцать восемь юаней, сушеные продукты на тридцать.

— Мастер Чжоу, я пошел в бухгалтерию, вы пока работайте!

— Иди, иди, Сяо Ван!

Ван Ханьлинь поспешил в финансовый отдел. Там работали одни женщины, с ними нужно было держать ухо востро и быть обходительным.

Тук-тук-тук.

— Войдите.

— Я Ван Ханьлинь из отдела закупок, принес отчет по товарам на проверку.

Встала статная женщина лет сорока. Она посмотрела на накладную, потом на Ван Ханьлиня.

— Ты и есть Ван Ханьлинь? Я сослуживица твоей крестной, мы еще в партизанских отрядах вместе были. Зови меня тетушка Хань. Я Хань Гуймэй, кассир.

— Тетушка Хань, очень приятно! Крестная мне не говорила, что вы ее сослуживица, а то я бы пришел представиться намного раньше, — с наглой улыбкой ответил Ван Ханьлинь.

— Ишь ты, какой наглец! Прямо как твоя крестная говорила: хитрый, а кожа на лице такая толстая, что пулю выдержит! Сяо Лю, оформи ему все. Слушай, Сяо Линь, если нам понадобится мясо или рыба, ты уж выручай! У нас тут столько беременных сотрудниц, караси просто необходимы!

— Тетушка Хань, не волнуйтесь. Завтра принесу десяток, хватит?

Услышав про карасей, женщины в кабинете зашумели, как на рынке.

— Начальник Хань, запишите нас, нам тоже нужно!

— Не шумите! Никуда он не денется. Завтра все будет. А если кто на заводе будет палки в колеса вставлять, ссылайтесь на меня, Хань Гуймэй, понятно?

— Понятно, тетушка Хань. Сейчас же пойду договариваться, завтра до обеда постараюсь привезти!

— Иди давай!

— Слушаюсь, тетушка Хань, и все остальные красавицы! Ради семейного счастья — хоть на край света! — Ван Ханьлинь поспешил ретироваться.

Ну и крестная у меня, вот это связи!

Надо будет при случае расспросить, насколько они близки, чтобы понимать, как себя вести и не наломать дров.

Выйдя из бухгалтерии, он огляделся. Никакой автоматизации, все держится на честном труде и физической силе. В это время рабочий класс действительно был в почете. И поделом — ведь они вкладывали в страну все свои силы.

Ладно, хватит предаваться размышлениям, пора за работу!

<http://bllate.org/book/18479/1773184>